

**Т.Н. Василенко, Ю.В. Ожмегова, Е.А. Савочкина,
О.А. Сим, А.А. Чувакин**

Алтайский государственный университет

Новые возможности лингвоэвокационных исследований

Оценивая эвокационные исследования языка и литературы, проводимые чешскими и словацкими филологами, акад. В.В. Виноградов в посмертно изданной работе подчеркнул, что эвокационное сопоставление «позволяет глубже проникнуть в специфику поэтической речи и – вместе с тем – в характерные черты и своеобразие разных сторон общелитературного или народного языка» [Виноградов, 1971, с. 74]. Эвокационная методология и методика, «перенесенная» одним из авторов данной публикации в отечественную русистику в виде эвокационной концепции художественной речи [Чувакин, 1995; 1996; 2000], тем не менее, в своих основных чертах сохраняла верность традиции: объектом эвокационного исследования продолжала оставаться художественная речь, основным способом ее исследования выступало эвокационное сопоставление художественной речи с «общенародным» языком, что обеспечивало (задача!) раскрытие механизмов преобразования т.н. общенародного языка в язык художественный как важнейшего условия объяснения эстетической сущности поэтического (художественного) языка и текста.

Исследовательский опыт реализации названной концепции подтвердил, что высказанные, отчасти в предварительном порядке, суждения об универсальной значимости эвокационной составляющей речекоммуникативной деятельности [Чувакин, 1996, с. 19-20] Говорящего/Слушающего, адекватно вписывается в современную картину речекоммуникативной деятельности. Речь идет о тех фрагментах опыта, за которыми стоят материалы, связанные с эвокационным изучением языка художественного текста [Пешкова, 1998; Чувакин, 2003, с. 40-47], его жанровых признаков [Никонова, 2005], отношения к внетекстовой действительности [Лушникова, 2002] и другим текстам [Гавенко, 2000] и др. Таким образом, логика эвокационного исследования приводит к необходимости в традиционном для эвокационных исследований объекте сфокусировать внимание на тексте (=сообщении) как на единственном лингвистическом объекте, который обеспечивает коммуникативную деятельность Говорящего и Слушающего (а); при эвокационном сопоставлении выдвинуть момент преобразования (=эвокационного преобразования) исходного материала в продукт: вторичный текст, вторичное сообщение, фрагмент того или другого (б); скорректировать главную задачу исследования в русле понимания эвокации как осуществления репрезентативной функции языка независимо от сферы коммуникации (эстетической, деловой, научной и др.; внутриязыковой, межъязыковой) (в). Этой логике не противоречит и термин «эвокация», имеющий хождение в философии, психологии, правоведении, биологии, филологии и др. науках. В его значении – в этих и других науках – присутствует момент воспоминания, вызова, воскрешения в памяти как творческого акта (ср.: лат. *evocatio* – вызов, призыв; англ. *evocation* – воскрешение в памяти; вызванный к жизни, воплощение (особ. в искусстве); творчество; фр. *evocation* – восстановление в памяти, припоминание, воспоминание о ...; итал. *evocare* – вызывать

(воскрешать) в памяти, вспоминать; *ewokacja* – воспроизведение; чешск. *evokace* – восстановление в памяти). Отмеченный момент позволяет усмотреть в эвокации антропоориентированную категорию.

Сказанное объясняет необходимость выдвижения в докладе Л. Кошей и А. Чувакина [Кошей, Чувакин, 2005, с. 128-129] эвокационной программы лингвистических исследований. Изложим кратко ее сущность.

Современные представления об эвокации связаны с учением В. Скалички об эвокации как проблеме языка и литературы; с суждениями западных филологов о приемах воспроизведения объекта в литературном тексте (М. Риффатер) и характере отношений текста и мира и/или других текстов (З. Шмидт, Ж. Женетт); с положением Ж. Делеза (опирающегося на идеи М. Фуко) о существовании группы категорий языка: эвокации, ревокации, провокации – и базируются на признании речекоммуникативной деятельности одной из форм человеческой деятельности и придании особого значения репрезентативной функции языка.

На современном этапе развития лингвистики и – шире – гуманитарного знания эвокация может быть квалифицирована как один из базовых механизмов коммуникации – внутренняя составляющая коммуникативной деятельности Homo Loquens (как единства Человека Говорящего и Человека Слушающего), отвечающая за задачу конструирования действительности (то числе, разумеется, и выраженной в знаках) в тексте (сообщении, высказывании), в результате чего рождается текстовая действительность. Текст, наряду с иными уровнями рассмотрения, получает уровень эвокационный и соответственно эвокационную структуру. Данная установка позволяет выделить базисные объекты исследования: объект эвокации, средства эвокации, продукт эвокации – и основные термины описания процесса эвокации: принципы и факторы (принципы адекватности и активности, факторы значимости объекта, средств и продукта эвокации), подчеркнуть факт многообразия методики эвокационного сопоставления.

В нашей статье предпринимается попытка (естественно, частичной) реализации сформулированной выше эвокационной программы исследования. Мы обращаемся к разным лингвистическим объектам: высказыванию, тексту, текстовой совокупности, дискурсу; к материалам художественным и нехудожественным; избирается сфера межъязыковой коммуникации, что означает новый этап развития лингвоэвокационных исследований¹.

Если традиционно при эвокационном исследовании коммуникативной синтаксической единицы – предложения – фактически анализируются объективные компоненты содержания, конструируемые в тексте, то изучение субъективных составляющих предполагает обращение к **высказыванию** как единице коммуникативной деятельности.

В данном случае будут рассматриваться квалификативные категории высказывания, а именно категории авторизации и персуазивности. Авторизация предполагает квалификацию информации с авторских позиций и является облигаторной в плане содержания, хотя может быть факультативной в плане выражения; категория персуазивности отождествляется с понятием достоверности излагаемой информации и, таким образом, отражает субъективную модальность в художественном тексте [Шмелева, 1988, с. 35-38]. Интересно отметить, что взаимодействие этих категорий обнаруживает ряд дополнительных смыслов, специфически вербализуемых в контексте англоязычных культур.

В теории межъязыковой коммуникации проблема транспонирования смысла из оригинального текста в текст перевода находит свое отражение в нескольких подходах, однако неоспоримым остается процесс интерпретации переводного фрагмента, характеризующийся наличием творческого (субъективного) видения смысла. Смысл высказывания не есть сумма значений составляющих его слов, а

¹ Ср.: [Широких, 2004], [Саланина, 2005].

являет собой некое целостное образование, имеющее информативный слой и собственную структуру, организованную в свете авторской интенции. Следовательно, оптимальным результатом переводческой эквивалентности является обнаружение соответствующего смысла, находящего свое воплощение в тексте оригинала, и его транспонирование в текст перевода. Данное положение находит свое обоснование и в работах Н.Л. Галеевой. Согласно ее концепции, переводчик не должен рассеивать «смысловое облако» исходного текста (высказывания), а напротив, может усмотреть такое же «смысловое облако», как и реципиент оригинала [Галеева, 1997, с. 55]. В связи с этим важно определить, каковы механизмы, доминирующие факторы и степень эвокационных преобразований субъективных смыслов высказывания.

Обратимся к языковому материалу. См.:

– <i>Не все средства хороши, уверяю вас, не все.</i> [Шукшин, 1983, с. 288]; – <i>Ей-богу, в этом есть разумное начало.</i> [Шукшин, 1983, с. 287].	<i>Am. “Not all means are good, believe me, not all means”</i> [Shukshin, 1996, p. 27]; <i>Am. “I swear, there’s a sound principle behind us”</i> [Shukshin, 1996, p. 26].

Поскольку мы анализируем модусные смыслы в структуре высказывания, отметим их имплицитный характер. Как известно, основными приемами изучения модуса является перифраза и экспликация, дающие возможность сделать более достоверными «ненадежные» данные плана выражения модуса [Шмелева, 1988, с. 28]. Степень авторской уверенности может варьироваться и, соответственно, обнаруживать разное вербальное воплощение. Так, в результате интерпретации данных высказываний, имеющих в своей структуре показатели персуазивности *уверяю вас, Ей-богу*, можно констатировать наличие особо проблематичной ситуации, скорее спора либо дискуссии, где говорящий субъект пытается отстоять свою точку зрения. Значима и динамика степени авторского убеждения в сообщаемом от *уверяю вас=поверьте мне* до *Ей-богу=я клянусь, что*, как высшей мере достоверности, сугубо характерной для русскоязычной среды бытования. Анализ переводного материала, где модусные элементы эвоцируются посредством эмфатических конструкций *believe me=I am certain of=I am convinced of, I swear=I give my word=I reassure*, свидетельствует о наличии **смысловой смежности**, состоящей из содержания и некоторой конфигурации смыслов и идей, и близкой той, что возникает в процессе интерпретации оригинального материала, и вызывающей в сознании англоязычного реципиента ощущение/переживание, подобное тому, что испытывает носитель русской культуры.

– <i>Я ее, видно, зажарила по ошибке</i> [Шукшин, 1983, с. 69].	<i>Am. “I must’ve fried it up by accident”</i> [Shukshin, 1996, p. 81]; <i>Br. “I must’ve fried it up by mistake”</i> [Shukshin, 1973, p. 233].

В английском языке модальные глаголы являются одним из основных средств выражения субъективной модальности в художественном тексте *I must’ve fried it up by accident = Probably I’ve fried it by accident, Seems I’ve fried it by accident*, что являет собой определенную сложность при эвокации. Так, смысловая нагрузка оригинального текста не только содержит компонент авторской неуверенности в достоверности сообщаемого *видно=наверное, похоже, кажется*, но и, на наш взгляд, создает впечатление о повествующем субъекте совершенно опре-

деленных качеств добродушного, мягкого, непротиворечивого шукшинского героя.

– У него склероз, хорошо, у него уже семь лет склероз, однако никто не предлагал ему уходить на пенсию [Шукшин, 1983, с. 69]

Am. "He's got sclerosis, fine, has had it these seven years, but nobody's ever suggested that he should retire" [Shukshin, 1996, p. 82];

Br. "I know he's probably got hardening of the arteries, but no one ever suggested he ought to retire" [Shukshin, 1973, p. 234].

В данном примере наречие *хорошо* не выступает в своем первичном значении, то есть не служит показателем аксиологической оценки, а имеет целью подчеркнуть истинность сообщаемого факта: =*да, я согласен с этим фактом*. Более того, вторичное употребление лексемы *склероз*, еще в большей степени демонстрирует уверенность говорящего субъекта в своей правоте. Трансляция субъективного смысла в американском варианте перевода осуществляется посредством прилагательного *fine=I agree=yes* что, на наш взгляд, эвоцирует переживание, смежное с авторским замыслом, тогда как интерпретация британского смысла высказывания носит скорее вероятностный характер и кодируется посредством иного лексического средства – вводного модального слова *probably=maybe*. Однако наряду с модальным показателем присутствует и авторизационный показатель *I know*, четко фиксирующий источник и способ получения информации. Такие явления возможно объяснить спецификой британской коммуникации, не допускающей присутствия категоричных суждений, тем более если речь идет о физической неспособности или болезни. Поэтому констатируем факт несовпадения смысловых полей и привнесения добавочных смыслов (в силу наличия культурноспецифических несоответствий), занимающих периферийные позиции по отношению к ядру смысловой структуры и расширяющих ее границы.

При осуществлении эвокационного сопоставления **текстов** решаемая задача осложняется поиском такой единицы, которая могла бы обеспечить признание тождества двух или более текстов для установления эвокационных различий. Мы полагаем, что такой единицей может являться ситуация действительности, репрезентированная в тексте, как компонент его эвокационной структуры. Ситуации действительности (эвокационные ситуации) – «это минимальные ячейки действительности как универсума в их «пересозданном», оречевленном создателем текста (автором, читателем) виде, содержащие сигналы, вызывающие воспоминания, воскрешающие прошлый опыт, провоцирующие речемыслительную деятельность человека, содержание которой – конструирование им текста, «своего» текста» [Чувакин 2006, с. 115]. В соответствии с этим суждением под эвокационными ситуациями мы понимаем компоненты семантико-синтаксической структуры текста, или ситуационно-языковые единства, репрезентирующие фрагменты действительности, на которые делится текст. Уточним, что в силу специфики материала объектом эвокации при сопоставлении оригинальных и переводных *текстов* является эвокационная ситуация действительности, отраженная в оригинальном художественном тексте, оречевленная автором первичного текста, продуктом – эвокационная ситуация, претерпевшая определенные изменения, обусловленные, с одной стороны, объективными факторами (различия в структуре языков оригинала и перевода), с другой стороны, субъективными факторами (интерпретационный смысл) в переводных текстах, средством – естественный (в данном случае, русский) язык, приемами – определенные типы преобразования семантико-синтаксической структуры текстов переводов в сравнении с оригинальным текстом.

План содержания ситуационно-языкового единства представлен пропозициональной структурой одного или нескольких предложений, передающих некую ситуацию, план выражения представляет собой синтаксическую конструкцию предложения в ее лексическом наполнении. Если при эвокационном анализе субъективных смыслов высказывания использовалась методика перефразирования и экспликации, то, разноплановая и многоэлементная структура текста предполагает использование методики многоаспектного эвокационного сопоставления на основе пропозиционального, синтаксического и номинационного анализа исследуемых текстов. Методика эвокационного исследования текстов оригинала и переводов состоит из нескольких этапов, в результате которых каждый из сопоставляемых текстов членится на ситуационно-языковые единства и выражающее/ие их предложение/я, затем устанавливается семантический инвариант каждого из текстов посредством построения пропозициональной структуры каждого фрагмента текста, далее осуществляется наложение и сопоставление пропозициональных структур всех исследуемых текстов для определения вида, природы и места расположения различия в семантическом инварианте, классифицируются процессы, оформляющие выявленные преобразования пропозициональной структуры на уровне конструктивного синтаксиса и на уровне лексического оформления предложения [Василенко, 2005].

Проиллюстрируем приведенное соображение анализом языкового материала. Были отобраны текст новеллы Guy de Maupassant «Le roq» и тексты трех ее переводов на русский язык: «Порт» Ю. Корнеева, «В порту» М. Салье, «Франсуаза» Л. Толстого. В исследуемой текстовой совокупности, состоящей из оригинального текста и нескольких его переводов, нами были выявлены два основных процесса: свертывание и развертывание, которые могут быть квалифицированы как приемы эвокации. К процессам свертывания на уровне ситуационно-языкового единства мы относим:

1) абсолютное свертывание – полное отсутствие предложения в одном из текстов переводов в сравнении с текстом оригинала:

<i>La nuit était venue</i> [Maupassant]	отсутствие	предложения
<i>Наступила ночь</i> [подстрочник вез- де мой – Т.В.]	[Толстой, 1992]	

2) частичное свертывание – упрощение на уровне семантической структуры, предполагающее сокращение числа предикатов, актантов, сирконстантов, реализующееся на уровне синтаксической конструкции:

<i>Ils allaient donc de plus en plus allumés, entre les cajoleries et les séductions annoncées par le chœur des portières d'amour de tout le haut de la rue, et les malédictions ignobles lancées contre eux par le chœur d'en bas, par le chœur méprisé des filles désappointées</i> [Maupassant]	<i>Так они шли все дальше и дальше</i> [Толстой, 1992, с. 252]
--	--

Так шли они, все больше расплаемые уговорами и соблазнами, выкрикиваемыми хором привратниц любви в начале улицы и грязными проклятиями, бросаемыми им хором в конце улице, презираемым хором разочарованных де-

бушек.

В данном примере имеет место упрощение семантической структуры предложения в переводе Л. Толстого, выражающееся в сокращении числа предикатов: с четырех *идти, распалать, выкрикивать, бросать* в тексте оригинала до одного *идти* в тексте перевода; актантов *они, уговоры, привратницы любви, хор* в тексте оригинала и *они* – в тексте перевода; сирконстантов: локативов: *в начале улицы, в конце улицы* и др. Упрощение семантической структуры, в свою очередь, обуславливает упрощение синтаксической конструкции данного предложения, которое выражается в замене предложения, осложненного причастными оборотами, в простое предложение.

Вторым эвокационным приемом, выделяемым в исследуемой совокупности текстов, является развертывание. В аспекте нашего исследования к процессам развертывания мы относим:

1) абсолютное развертывание, под которым мы понимаем добавление в одном или нескольких текстах переводов одного или нескольких предложений, отсутствующих в тексте оригинала. В тексте перевода, выполненного Л. Толстым, есть ситуации действительности, аналогов которым нет в тексте оригинала, например:

отсутствие предложения
[Maupassant]

Дюкло вдруг замолк и, затаив дыхание, уставился на товарищей, Потом с тем странным и решительным выражением, с которым, бывало, вступал в драку, он, шатаясь, подошел к матросу, обнимавшему девку, и ударил рукой между ним и девкой, разделяя их [Толстой, 1992, с. 257-258].

2) частичное развертывание на уровне семантической структуры, например, предложение из текста оригинала в переводе Л. Толстого получает формально-семантическое приращение, заключающееся в добавлении фазисного компонента интенсивности действия (*течь*) *ручьём*, получающем оформление на лексическом уровне высказывания:

*Les larmes lui sortaient
des yeux et du nez,
mouillaient ses joues,
coulaient dans sa bouche*
[Maupassant]

*...и слезы ручьем текли у
ней из глаз, из носа, мочили
щеки и вливались в рот* [Толстой, 1992, с. 257].

*Слезы бежали из ее глаз и с носа,
мочили ее щеки, стекали в рот.*

Следует отметить, что выявленные трансформации могут быть квалифицированы как упрощение или усложнение только на текстовом уровне. Например, в переводе Л. Толстого свертывание и развертывание семантико-синтаксической структуры высказывания сопровождается перемещением ее компонентов в пространстве текста, что, несомненно, меняет его эвокационную структуру. Промонстрированные примеры свидетельствуют о различной степени тождества переводного текста в сравнении с оригинальным. Приведенные преобразования позволяют говорить о разной степени тождества ситуаций действительности-

компонентов эвокационной структуры текста. В ряде случаев это обусловлено действием языкового (в данном случае, межъязыкового) фактора эвокации, когда определенные преобразования (как правило, синтаксические) во вторичном тексте обусловлены особенностями языка, на который переводится текст.

Одним из факторов эвокации на исследуемом материале является учет культурной среды бытования текста. Автор переводного текста, передавая содержание того или иного текстового фрагмента, ориентируется на уровень фоновых культурных знаний потенциального читателя. Так, фрагмент, важный для передачи атмосферы южного французского города, в переводах Ю. Корнеева и М. Салье сохранен и передан адекватно, а в переводе Л. Толстого существенно сокращен:

<i>un fumet de cuisine à l'ail</i>	<i>чесночные ароматы мест-</i>
[Maupassant]	<i>ной кухни</i> [Корнеев, 1988, с. 421]
<i>аромат еды с чесноком</i>	<i>запах яств, приправленных</i>
	<i>чесноком</i> [Салье, 1955, с. 374]
	<i>пахло едой из кухонь</i> [Тол-
	<i>стой, 1992, с. 252]</i>

Рассматривая подобные трансформации в тексте перевода в сопоставлении с текстом оригинала с позиции эвокационной методики помимо собственно языковой специфичности, выражающейся в особенностях синтаксической и лексической структур исследуемых текстов, следует учитывать и интерпретационную специфичность, носителем которой в данном случае являются субъект эвокации – переводчик, поскольку именно он трансформирует или сохраняет без изменений ситуацию действительности, представленную в оригинальном тексте, выбирая для этого из всего массива существующих языковых и текстовых средств те, которые, с его точки зрения (проявление субъективного начала эвокационного преобразования на текстовом материале), наиболее точно выражают передаваемое содержание. Многочисленные трансформации в переводе Л. Толстого во многом объясняются особенностью фигуры переводчика, в роли которого в данном случае выступает писатель. Он, в отличие от профессиональных переводчиков, не ограничивается воссозданием текстовой действительности оригинала французской новеллы и ее максимально приближенным воспроизведением в переводе на русский. Л. Толстой вносит существенные изменения в семантическую структуру оригинального текста, обогащая его дополнительными смыслами, что, в свою очередь, меняет восприятие исходного текста, представляющего собой основу переводного текста. Так, добавив в финале рассказа фрагмент *Дюкло вдруг замолк и, затаив дыхание, уставился на товарищей. Потом с тем странным и решительным выражением, с которым, бывало, вступал в драку, он шатаясь подошел к матросу, обнимавшему девуку, и ударил рукой между им и девукой, разделяя их. – Прочь! разве не видишь, она сестра тебе! Все они кому-нибудь да сестры. Вот и эта, сестра Франсуаза* [Толстой, 1992, с. 257-258], Л. Толстой облачает в языковую оболочку основную идею новеллы Мопассана о преступной кровосмесительной связи брата и сестры, придавая ей дополнительный смысл – протест против проституции как социального явления.

Анализ эвокации ситуаций действительности в художественном тексте позволяет обратиться к его **жанровой специфике**: «Жанровые и внутрижанровые особенности художественного текста являются существенным фактором дифференциации воспроизводимого материала и средств воспроизведения и источником тесного взаимодействия текста и продукта воспроизведения» [Чувакин, 1996, с. 36]. Как показывают исследования [Никонова, 2005], жанровая принадлежность художественного текста – один из важных объектов эвокации, тем более, если

рассматривается «пересоздание» художественно-речевого жанра в процессе межъязыковой эвокации.

В качестве примера используем фрагменты оригинального и переводного текстов юридического триллера – J. Grisham “The Runaway Jury” [Grisham, 1997], Д. Гришэм «Вердикт» [Гришэм, 2000]. Юридический триллер определяем как жанр литературы, посвященный судебному разбирательству и характеризующийся напряженным, динамичным повествованием [Савочкина, 2005, с. 224]. Поскольку содержание текста данного жанра отражает работу суда и работа суда предстает как объект эвокационного воспроизведения в тексте, то основными по значимости эвокационными ситуациями становятся ситуации выступлений адвокатов защиты и обвинения, прямого и перекрестного допроса свидетелей и т.д. Каждая из таких ситуаций обслуживается специфическим речевым жанром [Бахтин, 2000, с. 249]. Целый текст юридического триллера, таким образом, являет собой структуру, состоящую из множества эвокационных ситуаций, представленных первичными речевыми жанрами, и может рассматриваться как сложный, комплексный речевой жанр [Федосюк, 1997, с. 107], который сформирован на основе художественной эвокации их признаков. Ведущими признаками всех речевых жанров судебного разбирательства считаются стандартизованность на фоне юридических терминов и клише и экспрессивность [Tiersma, 1999; Solan, Tiersma, 2005; Ивакина, 2000]; именно они, согласно действию принципа адекватности продукта эвокации ее объекту [Чувакин, 1996, с. 22], станут характерными признаками юридического триллера, а следовательно, одним из доминирующих факторов эвокации.

Механизм эвокационного преобразования может быть усмотрен не только в «переносе» признаков первичных речевых жанров в текст, но и в «переносе» жанровых признаков уже созданного текста-оригинала в текст перевода.

Обратимся к типичной жанрообразующей ситуации действительности американского текста юридического триллера “The Runaway Jury” J. Grisham [Grisham 1997, p. 353] (в примере обычным шрифтом выделена юридическая терминология, жирным – метафора, разрезанным – повторы, подчеркиванием – параллельные синтаксические конструкции):

“Do we charge Mc Donald’s and Pizza Hut with devious advertising practices for targeting the young? Do we sue them because our kids are fatter? No. We as consumers make informed choices about the foods we feed our children. No one can argue that we make the best choices.

And we as consumers make informed choices about smoking. We are bombarded with ads for thousands of products and we respond to those ads which reinforce our needs and desires”.

Ситуация, описанная в примере, – часть свидетельского показания эксперта, выступающего на стороне табачных компаний. Основная мысль выступающего: многочисленные рекламы, столь многочисленны, что потребитель попадает под их влияние как под бомбежку *so numerous that consumers are bombarded with them*, – не следует рассматривать как изначально несущие вред. Все зависит от информированного выбора потребителей. Повторение слова “consumers” и словосочетания “informed choices” подчеркивает тот факт, что люди сами принимают решения по поводу того, что им делать, а что – нет. Применение метафоры, повтора и параллельных конструкций (*Do we charge Mc Donald’s and Pizza Hut with devious advertising practices for targeting the young? Do we sue them because our kids are fatter?*) придает речи выступающего эмоциональную окраску, позволяет привлечь внимание аудитории.

При этом слушающие не забывают, что они находятся в зале суда, поскольку они постоянно слышат юридические термины: to charge with, to sue.

Рассмотрим перевод описания этой же ситуации на русский язык, выполненный И.Я. Дорониной и представляющий собой, в нашей версии, эвокацию ситуации текстовой действительности [Гришэм, 2000, с. 354]:

Do we charge McDonald's and Pizza Hut with devious advertising practices for targeting the young? Do we sue them because our kids are fatter? No. We as consumers make informed choices about the foods we feed our children. No one can argue that we make the best choices. And we as consumers make informed choices about smoking. We are bombarded with ads for thousands of products and we respond to those ads which reinforce our needs and desires.

*Разве мы предъявляем иски «Макдоналдсу» и «Пицце-Хат» в связи с коварно изоцренной рекламой, направленной конкретно на детей? Преследуем ли мы их по закону за то, что наши дети стали толще? Нет. Мы, как потребители, располагая всей полнотой информации, сами делаем выбор: как нам кормить своих детей. Никто не станет спорить, что мы выбираем лучшее. Точно также мы, как потребители, делаем свой собственный выбор относительно курения. **Нас атакуют со всех сторон тысячи всевозможных реклам**, и мы откликаемся на те, которые затрагивают наши потребности и желания.*

В ситуации, эвоцированной переводчиком, сохраняется ключевая мысль о том, что ответственность за свой выбор несет потребитель. Повтор и в русском тексте реализует функцию привлечения внимания читателя к данному факту. В русском тексте наблюдается развертывание исходного: английскому “*make informed choices*” в переводе соответствует «*располагая всей полнотой информации*», “*Do we charge McDonald's...?*” – «*Разве мы предъявляем иск...?*», “*we are bombarded with ads*” – «*нас атакуют со всех сторон тысячи реклам*». Развертывание не только не снижает эмоциональное воздействие всего отрезка, а, скорее, усиливает его: тот факт, что потребитель подвергается не бомбежке рекламой *bombarded*, а ее атакам со всех сторон, только закрепляет образ военных действий со стороны специалистов по рекламе. Экспрессия по-прежнему соотносится со стандартизованностью на фоне юридических терминов и клише *предъявляем иски, преследуем ли мы их по закону*, ситуация в тексте перевода осталась жанрообразующей, близкой к ситуации действительности текста-оригинала.

Наличие расхождений между текстами оригинала и перевода объясняется действием принципа активности, реализуемого в деятельности переводчика, который, являясь носителем специфической культуры, а также опыта и мировоззрения, неизбежно по-своему интерпретирует эвокационную ситуацию в структуре переводимого текста.

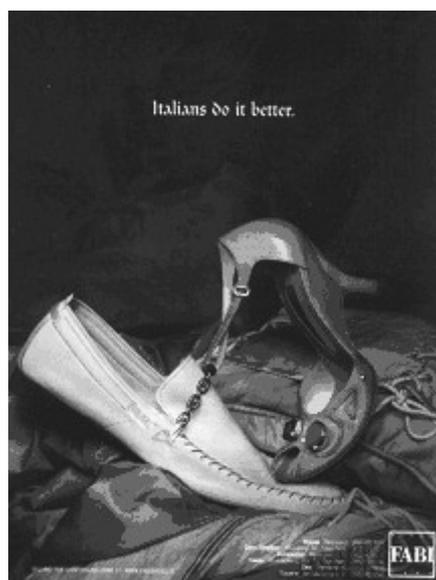
Еще одной возможностью эвокационной методики является ее действие на уровне **дискурса**.

Мы следуем определению дискурса, данному Т.А. ван Дейком: «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [ван Дейк, 1989, с. 10]. Полагаем, что методику исследо-

вания дискурса как макроситуации можно дополнить таким шагом, как эвокационное моделирование. Моделирование «...неизбежно связано с процедурой идеализации и абстракцией потенциальной осуществимости» [Глинский, 1965, с. 52]. В нашем представлении о моделировании и модели *рекламного дискурса* мы придерживаемся постулата о естественности модели: «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле»». [Моделирование языковой деятельности..., 1983, с. 34]. Под эвокационным моделированием мы понимаем процесс конструирования «перенесения» дискурса из одного языка, из одной коммуникативно-социальной сферы в другую, вторичную сферу бытования и результата данного действия; то есть следование той или иной модели реализации дискурса, в нашем случае, в иноязычной ситуации. Решение задачи моделирования проходит ряд этапов: раскрытие механизма воспроизведения, рассмотрение степени преобразования рекламного дискурса, воспроизведенного в русскоязычном пространстве, описание факторов, обусловивших степень и характер преобразования.

Обратимся к механизму воспроизведения. Механизм создания модели воспроизведения базируется на суждении о существовании определенных сигналов воспроизведения, которые присущи каждому компоненту дискурса и обладают силой апелляции, благодаря которой данные компоненты «переносятся» во вторичную сферу бытования. Следование силе апелляции эвокационных сигналов обуславливает степень преобразования компонентов и признаков дискурса. Сила апелляции подразумевает ориентированность механизма воспроизведения на объективную составляющую дискурса больше (элементы эксплицированные, особенно важные для воспроизведения), чем на его субъективные, коннотативно окрашенные компоненты.

Наш пример извлечен из русскоязычного издания глянцевого женского журнала «Cosmopolitan» [Cosmopolitan, April 2005, p. 37]. Данное издание содержит большое количество рекламных текстов, являясь компонентом глобального рекламного дискурса со своей аудиторией-реципиентом. Отметим, что в «Cosmopolitan» сосуществует несколько видов дискурса, помимо рекламного, что обусловлено не единственно рекламной направленностью издания.

На рис. 1 изображен рекламный текст фирмы Fabi. Целью создания данного текста является предложение приобрести обувь данного изготовителя.

Рис. 1 включает паралингвистическую и лингвистическую составляющие. На темном фоне изображены небрежно разбросанные элементы женской одежды (видна часть корсета и пышная юбка); на одежде расположены женская туфелька и мужской ботинок, скрепленные ремешками. Предположительно, обувь выполнена в стиле, напоминающем средние века (обилие украшений, деталей – противоположно стилю модерн, к примеру). Данное впечатление подтверждено и стилем написания слогана и лейблом фирмы, что мы также относим к паралингвистическим средствам. Лингвистическая составляющая данного рекламного текста включает в себя слоган и адреса магазинов в Италии и России.

Степень преобразования рекламного текста не высока, так как русскоязычный рекламный текст содержит, помимо привнесенных объективно важных элементов (указание адресов магазинов в России), пласт культуроспецифичной информации, который не подвергается преобразованию (слоган – *Italians do it better*; адрес магазина в Италии). Логическая форма высказывания не всегда исчерпывающе пропозициональна: слушающему обычно приходится дополнять, восстанавливать принятую форму до уровня полной пропозиции – в том виде, в каком ее намеревался передать говорящий. Общее пропозициональное содержание, передаваемое в коммуникации, покрывается экспликатурами и имплицатурами [Макаров 2003, с. 74]. В данном примере создается образ двусмысленный, тем и привлекающий для потребителя рекламы. Данный рекламный текст содержит несколько смыслов, что дает возможность его различных интерпретаций. Эксплицитный, яркий образ сообщает, что существует итальянский производитель мужской и женской обуви, качественной (слоган) и дорогой (адреса магазинов как в России, так и в Италии). Это информация без каких-либо коннотаций и апеллирования к чувствам, фоновым знаниям реципиента, что характерно для рекламного дискурса в целом. При более пристальном изучении становится заметным и имплицитный понятийный образ. Он построен на стереотипах восприятия итальянцев, скриптах их поведения в разных ситуациях. Понятийный образ, подкрепленный невербальными элементами (расстегнутый корсет, разбросанная одежда, на которой находятся скрепленные одним ремешком женская туфелька и мужской ботинок), позволяет взглянуть на слоган (*Итальянцы делают это лучше* – перевод мой – О.С.) с другой стороны. Таким образом, степень преобразования достаточно четко ограничена факторами эффективной рекламы и когнитивных пресуппозиций.

Рассмотрим факторы воспроизведения элементов рекламного дискурса. Выделяются объективные и субъективные факторы. Рекламный дискурс ориентируется на семантику побудительности, нежесткой императивности, что, наряду с другими важнейшими признаками, подлежит, по нашему мнению, обязательному воспроизведению. Однако абсолютно идентичное воспроизведение способов презентации данных признаков невозможно в силу объективных факторов, определяющих воспроизведение объекта из ситуации англоязычной в русскоязычную. Это и различие языковых систем, и когнитивных пресуппозиций дискурс-производителя и дискурс-реципиента. Все упомянутые факторы обуславливают появление определенных моделей в процессе воспроизведения макроструктуры в другой языковой ситуации. Степень адекватности вторичного дискурса первичному зависит от уже упомянутых факторов, и эвокационные модели дискурса в полной мере отражают это.

Проведенное исследование показало, что отношения разноязычных высказываний, текстов, дискурсов могут быть интерпретированы на основе принципа эвокации. Эта интерпретация значима прежде всего как доказательство универсальности эвокационной составляющей речекommunikативной деятельности.

Вместе с тем исследование закладывает основы более сложного, чем в случае моноязычной коммуникации, представления об эвокационной деятельности – прежде всего за счет «удвоения» (принципе – «умножения») субъекта эвокационной деятельности: он выступает и как автор высказывания (текста) на языке оригинала и как автор высказывания (текста) на языке перевода. Тем самым обнаруживается рост направлений активности субъекта речекоммуникативной деятельности. То же относится к характеристике и других участников акта эвокационной деятельности, что в целом позволяет предположить правомерность и обоснованность выдвижения идеи своего рода эвокационного круга.

Наконец укажем, что эвокационное исследование (при учете данных теории перевода) создает возможности рассмотрения разноязычных выражений – от высказывания до дискурса – во всей их сложности: именно сквозь призму эвокационного сопоставления они видятся как сложные (сверхсложные) системы, т.е. объекты нелинейные, неустойчивые, открытые.

Литература

- Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
- Василенко Т.Н. Гнездовой принцип систематизации текстовых совокупностей: методика исследования (на материале текста оригинала и переводных текстов) // Художественный текст: варианты интерпретации: труды X межвузовской научно-практической конференции. Бийск, 2005.
- Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
- Гавенко А.С. Вторичный текст как факт художественной коммуникации // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.
- Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь, 1997.
- Галяшина Е.И. Использование специфических лингвистических знаний в судопроизводстве. М., 2002.
- Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного исследования. М., 1965.
- Гришэм Д. Вердикт. М., 2000.
- ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. М., 2000.
- Кощей Л.А., Чувакин А.А. Эвокационная программа исследования в лингвистике // II Международная научная конференция «Язык и культура»: тезисы докладов. М., 2005.
- Лушникова Ю.В. Факторы создания структуры ситуации непонимания // В.М. Шукшин: проблемы и решения. Барнаул, 2002.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. М., 1983.
- Мопассан Ги де. Порт (пер. Ю. Корнеева) // Мопассан Ги де. Новеллы. Свердловск, 1988.
- Мопассан Ги де. В порту (пер. М. Салье) // Мопассан Ги де. Рассказы. Киев, 1955.
- Никонова Т.Н. Рассказ-анекдот В.М. Шукшина как вторичный речевой жанр (эвокационный аспект). Горно-Алтайск, 2005.
- Пешкова С.Н. Воспроизведенная языко-ситуативная коммуникация в рассказах-сценках В.М. Шукшина // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе: Всероссийская школа молодых лингвистов. Москва-Пенза, 1998.

- Савочкина Е.А. Юридический триллер как вторичный речевой жанр: к постановке проблемы // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций. Барнаул, 2005.
- Саланина О.С. Абзацирование вторичного текста как проблема общей теории текста (эвокационное исследование): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
- Толстой Л.Н. Франсуаза. Рассказ по Мопассану // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 27.
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания, 1997. № 5.
- Чувакин А.А. Основы эвокационной теории художественной речи: дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 1996.
- Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте. Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.
- Чувакин А.А. Эвокационное описание языка прозы В.М. Шукшина: материалы к словарной статье для энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3-4.
- Чувакин А.А. Эвокация в сфере художественно-речевой коммуникации как деятельность (Возвращаясь к старой проблеме) // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сб. статей. Барнаул, 2000.
- Чувакин А.А. Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7.
- Чувакин А.А. Лингвоэвокационная структура прозы В.М. Шукшина: к постановке проблемы (на материале рассказов) // Творчество В.М. Шукшина. Язык. Стиль. Контекст: сборник материалов VII международной научной конференции «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество». Барнаул, 2006.
- Широких И.А. Опыт эвокационного анализа бытийной семантики в тексте (на материале романа J. Galsworthy “A Modern Comedy” и его перевода): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.
- Шукшин В.М. Штрихи к портрету. Барнаул, 1983.
- Cosmopolitan. NY., 2005. April.
- Grisham John. The Runaway Jury. Arrow Books, 1997.
- Maupassant Guy de. Le port. // [электронные ресурсы]: доступ по <http://un2sg4.unige.ch/athena/selva/maupassant/maupass>
- Shukshin V. I want to live. Transl. by Robert Daglish. Moscow, 1973.
- Shukshin V. Stories from a Siberian village. Transl. by John Givens. Illinois, 1996.
- Solan L., Tiersma P. Speaking of Crime // The language of Criminal Justice. Chicago, 2005.
- Tiersma P. Legal Language. Chicago, 1999.